

Симонов Константин Викторович

АФГАНИСТАН ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ (1907-1914 ГГ.)

Статья основана на малоизвестных документах из фондов Архива внешней политики Российской империи и посвящена изучению одного из важных этапов в истории русско-афганских отношений начала прошлого века. Царские власти добивались политической неприкосновенности Афганистана, более широкого доступа российских товаров в его пределы и нормализации отношений на границе. Не получив желаемого, в Петербурге начали строить планы раздела Афганистана на сферы влияния между Россией и Великобританией и даже рассматривали возможность проведения локальной военной операции на афганской территории.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/6-1/41.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (32): в 2-х ч. Ч. I. С. 160-163. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

PROBLEMS OF FUTURE IN MODERN RUSSIAN POLITICAL SCIENCE

Sentsov Arkadii Eduardovich
Sakashev Amyr Aleksandrovich
National Research Tomsk Polytechnic University
134-43@mail.ru; samr@sibmail.com

The authors consider the model of political future as the basis for the party programme structure and as one of the most important elements of the interaction between political parties and people, basing on the study tell about a high demand of the Russian society in the political model of future, and come to the conclusion that researches in the sphere of future political modelling in party programmes can greatly influence the integration of the Russian political science into modern innovative society.

Key words and phrases: political modelling; model of political future; party programme; Russian parliamentary parties; integration of political science into innovative society.

УДК 94(5)+327.8

Исторические науки и археология

Статья основана на малоизвестных документах из фондов Архива внешней политики Российской империи и посвящена изучению одного из важных этапов в истории русско-афганских отношений начала прошлого века. Царские власти добивались политической неприкосновенности Афганистана, более широкого доступа российских товаров в его пределы и нормализации отношений на границе. Не получив желаемого, в Петербурге начали строить планы раздела Афганистана на сферы влияния между Россией и Великобританией и даже рассматривали возможность проведения локальной военной операции на афганской территории.

Ключевые слова и фразы: Россия; Афганистан; пограничные контакты; территориальные споры; внешняя политика; дипломатия.

Симонов Константин Викторович, к.и.н., доцент
Воронежский государственный институт физической культуры
ksimonov76@mail.ru

АФГАНИСТАН ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ (1907-1914 ГГ.)[©]

С лета 1907 г. политический союз с Великобританией являлся, пожалуй, ведущим фактором, определявшим позицию России в ее контактах с Афганистаном. Неприятие эмиром Хабибулло-ханом англо-русского соглашения не обеспокоило царское правительство. Министр иностранных дел А. П. Извольский предложил британской стороне считать афганскую конвенцию вступившей в силу и действовать в дальнейшем согласно ее положениям. Российские власти, полагаясь на влияние Англии в Афганистане, ожидали, что Лондон, в конце концов, заставит Хабибуллу-хана согласиться с поставленными условиями, а до тех пор прямые русско-афганские контакты осуществлялись, как и прежде, от случая к случаю, и доступ российским подданным в Афганистан был закрыт.

После того как британское правительство согласилось считать афганскую конвенцию вступившей в силу, военное командование в Туркестане получило право устанавливать непосредственные контакты с афганской пограничной администрацией по местным вопросам неполитического характера. Правда, в соответствующем распоряжении директора Первого (Азиатского) департамента министерства иностранных дел все равно оговаривалось, что этим контактам не следует придавать «определенного и систематического характера, пока не имеется... согласия эмира» [2, д. 232, л. 379]. Впрочем, афганские власти и сами не стремились к совместному с Россией разрешению пограничных проблем.

Ярким свидетельством тому стали события 1908-1909 гг., связанные с массовым бегством джемшидов с территории северного Афганистана. Около 1500 семей оказались тогда в Туркестане. Русские власти приняли их, оказали необходимую помощь и расселили в приграничной полосе. Однако Хабибуллу-хана не устроили действия царской администрации. В феврале 1910 г. он просил вице-короля Индии Ч. Хардинга, чтобы британское правительство настояло на переселении джемшидов вглубь Средней Азии, как можно дальше от границы афганских владений. В марте британский посол в Санкт-Петербурге А. Никольсон сообщил министру иностранных дел России о желании эмира, но А. П. Извольский в ответ заявил, что царское правительство не может согласиться с требованием афганской стороны ввиду отсутствия в Туркестане свободной земли, воды и пастбищ [10, р. 116].

Не вызывало оптимизма в министерстве иностранных дел России и общее состояние отношений с Афганистаном. В сентябре 1909 г. А. П. Извольский с сожалением констатировал, что «в отношениях к этому ханству никаких видимых перемен не произошло. Правительство Афганское по-прежнему... ревниво оберегает свою независимость и... всеми мерами тормозит развитие торговых сношений с Средней Азией» [1, д. 750, л. 106]. Для выхода из создавшейся ситуации начальник Закаспийской области генерал-лейтенант М. Д. Евреинов

предложил принять репрессивные меры вплоть до полного закрытия границы с Афганистаном, полагая возможным такими мерами вынудить эмира пересмотреть свою политику [Там же, л. 106-107].

Однако, по мнению А. П. Извольского, подобные шаги привели бы лишь к свертыванию российско-афганской торговли и полному прекращению контактов между пограничными властями даже по самым незначительным вопросам. Министр иностранных дел отклонил предложение М. Д. Евреинова и рекомендовал правительству «как можно более поощрять... торговые сношения жителей (*Афганистана* – К. С.) с нашими владениями, всячески привлекая их к себе в видах распространения через их посредство и наших товаров, и нашего влияния» [Там же, л. 107]. Это была программа, рассчитанная на перспективу. А. П. Извольский, видимо, понял, что ошибся, сделав ранее ставку на английское влияние в Афганистане, и теперь полагал необходимым для России в отношениях с эмиром вновь опереться на собственные силы, но при этом действовать осторожно и не торопить события. «Рано или поздно Афганское правительство само придет к сознанию необходимости отказаться от своей замкнутости» [Там же], – считал он.

Даже после ухода А. П. Извольского с поста министра иностранных дел (сентябрь 1910 г.) царский кабинет проводил, хотя и не всегда последовательно, именно эту линию. Серьезных успехов, впрочем, достигнуто не было. Помимо традиционной подозрительности афганцев к действиям соседей, свою роль здесь сыграли и другие факторы, прежде всего – обострение ситуации в Персии после низложения шаха Мухаммада-Али и прихода к власти конституционалистов. Уже летом 1910 г., опасаясь проникновения либеральных идей, кабульское правительство ужесточило пропускной режим на персидско-афганской границе. Гарнизону Герата был объявлен указ эмира о том, что в войсках не должно быть никаких разговоров о конституции «и тому подобных глупостях, выдуманных “кизилбашами” (персами)» и что при малейших признаках ослабления дисциплины среди офицеров и нижних чинов виновные будут строго наказаны [3, д. 32, л. 18].

Афганские власти, кроме того, были серьезно обеспокоены расширением русского военного присутствия в Персии. Агент эмира в Мешхеде, подстрекаемый английским консулом, майором П. Сайксом, докладывал в Кабул о планах России занять Герат [8, с. 2]. Когда в декабре 1911 г. части 2-го армейского корпуса начали переброску из Туркестана в Хорасан, Хабибулла-хан экстренно принял ответные меры. Из восточных провинций Афганистана к персидской границе были подтянуты войска. Наиб-уль-хукме (губернатор) Герата Мухаммад Сарвар-хан получил приказ не допустить выхода русских отрядов к афганской территории [1, д. 753, л. 55].

Эти мероприятия, впрочем, носили оборонительный характер. Эмир не желал втягивания в конфликт с Россией из-за Персии. В январе 1912 г. власти Хорасана просили его оказать помощь ввиду приближения царских войск, но Хабибулла-хан ответил, что поражение персов неизбежно, а потому он ограничится только закрытием границы, чтобы «вооруженной силой» преградить путь в Афганистан и русским войскам, и персидским конституционалистам [Там же, л. 46].

Другим средством сдерживания России эмир считал распространение панисламистских идей в Туркестане. Он отлично понимал, что все потраченные на это усилия многократно оправдают себя в случае начала войны или короткого конфликта. Более того, Хабибулла-хан вынашивал планы уничтожить русский протекторат над Бухарой и Хивой. Религиозные чувства мусульман были для этого подходящим инструментом [9, с. 9].

Примером подрывной работы афганских агентов в русских пределах являлись действия разведчика Мир Мухаммад Хусейн-хана, направленного осенью 1910 г. в Бухару по приказу эмира. Ему поручалось проверить информацию о полном вхождении бухарских земель в состав России, а также «следить за настроениями мусульманского населения... и направлять умы его в желательном направлении» [1, д. 752, л. 4-6]. Для выполнения этих задач Мир Мухаммад Хусейн-хан имел значительные денежные средства – около 20 тысяч рублей.

Подлинными же масштабы деятельности афганской агентуры в Туркестане были намного шире. В январе 1911 г. русская контрразведка раскрыла целую сеть шпионов, которую возглавлял Мухаммад Гаус-хан, торговый агент Хабибуллы-хана при дворе эмира бухарского. В ходе обыска у него были обнаружены черновики донесений в Кабул, свидетельствовавшие о том, что он имел полную информацию не только о политических событиях в Туркестане, Хиве и Бухаре, но и всех мероприятиях русского военного командования вплоть до «мельчайших подробностей в передвижении отдельных частей» [9, с. 8]. В апреле 1913 г. та же история повторилась с Хаджи Абдул Наби-ханом, преемником Мухаммада Гаус-хана [1, д. 349, л. 2].

Довольно сложная обстановка складывалась в этот период и на русско-афганской границе. На фоне постепенного развития торгово-экономических связей, возраставшего притока выходцев из Гератской провинции и Чар-вилайета в Закаспийскую область и Бухару пограничные власти России и Афганистана действовали по-прежнему без всякого согласования. Хабибулла-хан строго запрещал своим чиновникам и офицерам контакты с царскими властями, тогда как обстановка в приграничной полосе требовала серьезного внимания обеих сторон.

Население Средней Азии испытывало значительные трудности вследствие неудовлетворительного характера русско-афганских отношений. Подданные эмира свободно допускались в пределы Туркестана, но русским доступ в Афганистан был полностью закрыт. Отсюда и возникали многие проблемы. К примеру, чрезвычайно долго тянулись взаимные иски, гражданские и уголовные, поскольку российские судебные органы не могли своевременно обратиться к ответчику в случае его пребывания на афганской территории.

Очень остро стояла и проблема совместного водопользования на границе. Богатейшие оазисы Закаспийской области – Мервский, Пендинский и Тедженский, орошались лишь реками Мургаб и Герируд, бравшими начало в Афганистане, где местные жители тоже отводили их воду под свои посевы. Год от года такие работы велись активнее, что могло со временем поставить наиболее плодородные районы Туркестана в безвыходное положение [2, д. 235, л. 24-26].

Руководство министерства иностранных дел России уделяло ситуации, складывавшейся на афганской границе, особое внимание, но долгое время не решалось приступить к ее урегулированию. Только когда

в 1912 г. в результате ирригационных работ, проведенных афганцами, был причинен ущерб владениям императорской семьи в Бала-Мургабе, глава МИД С. Д. Сазонов призвал английское правительство воздействовать на эмира. В Лондоне он обсудил возникшую проблему со своим британским коллегой Э. Греем, но тот дал понять, что едва ли сможет повлиять на позицию Афганистана, поскольку Хабибулла-хан, по его словам, «плохо слушается голоса Англии» [4, с. 461]. Вместе с тем глава Форин офиса склонен был согласиться с непосредственным участием России в решении данного вопроса [10, р. 310]. 14 февраля 1913 г. посол Великобритании в Петербурге Дж. Бьюкенен в беседе с С. Д. Сазоновым признал, что английским властям «на расстоянии трудно оказать давление на ханов Герата», и намекнул, что соответствующее предупреждение, «адресованное Россией, будет иметь больший эффект» [Ibidem, р. 308].

Сами царские дипломаты были настроены весьма воинственно. Генеральный консул России в Калькутте К. Д. Набоков и старший советник министерства иностранных дел В. О. фон Клемм рекомендовали принять самые решительные меры, чтобы заставить эмира быть сговорчивее. Первый считал достаточным для этого привести в боевую готовность войска Туркестанского военного округа [2, д. 235, л. 22-23], полагая, что одна лишь демонстрация силы решит исход дела, а второй допускал даже прямое военное вмешательство. В Записке по афганскому вопросу, подготовленной в феврале 1913 г. для министра иностранных дел, В. О. фон Клемм предлагал «снарядить в верховья Мургаба и Теджена (*Герируда* – К. С.) экспедицию, которая разрушила бы все плотины, засыпала бы... оросительные каналы и, под страхом дальнейших репрессий», договорилась бы с местным населением «о пропуске установленной нормы воды в Закаспийскую область» [Там же, л. 32].

Однако С. Д. Сазонов решил ждать, когда Лондон убедит Хабибулла-хана, и тот позволит своим властям начать обсуждение спорных вопросов с русской пограничной администрацией. Британское же правительство, со своей стороны, предпочло не тревожить эмира подобными просьбами. 5 марта 1913 г. Ч. Хардинг получил от Хабибуллы-хана письмо, в котором тот категорически отказался признать право России ограничивать афганцев в пользовании водами рек на их территории. После этого Э. Грей сделал вывод, что Англии следует придерживаться уже устоявшейся системы отношений с Кабулом и не требовать большего [10, р. 310, 319].

Обстановка на южных российских рубежах еще более осложнилась, когда власти Афганистана заявили о территориальных претензиях к России (август 1912 г.). Наибольшему провинции Бадахшан признал линию границы на Памире вблизи русского поста Кизил-Рабат не соответствующей решениям разграничительной комиссии 1895 г. Участок между реками Ак-су и Кашка-су, по его мнению, должен был перейти афганцам. Совместный осмотр спорной территории, произведенный начальником Кизил-Рабатского пограничного поста и афганскими представителями из Файзабада, не удовлетворил ни одну из сторон. Согласовать позиции им не удалось [2, д. 237, л. 1-2].

Новую попытку урегулировать имевшиеся разногласия царские власти предприняли зимой 1913 г. Начальник Памирского пограничного отряда подполковник А. Шпилько в личном письме предложил губернатору Бадахшана устранить возникшие противоречия, еще раз организовав контрольный объезд границы. Однако тот направил своих представителей к Кизил-Рабату лишь в конце августа 1914 г., получив предварительно согласие эмира на продолжение контактов с российскими пограничниками. На сей раз выяснилось, что афганская сторона претендует на территорию от озера Бахмардын-Куль до рек Кашка-су и Тегерман-су [Там же, л. 5].

После встреч с афганцами и досконального изучения возникшей проблемы А. Шпилько доложил генерал-губернатору Туркестана Ф. В. Мартсону, что «поводом к различному представлению о положении пограничной черты» послужила недостаточно четкая формулировка в «Описании Российской Государственной границы на Памирах», определяющая положение пограничного столба № 10. В этом документе, составленном на основе решений разграничительной комиссии 1895 г., утверждалось, что он установлен «на северной оконечности склона отрога..., разделяющего воды Тегерман-су и Кашка-су» [Там же, л. 3]. На самом деле же оказалось, что столб находится значительно южнее. Теперь генерал-губернатору Туркестана и начальнику Памирского пограничного отряда стало ясно, что требования афганских властей вполне законны, и основываются они на более точных данных о географии местности, чем те, которыми руководствовались английские и русские военные, определяя северо-восточные рубежи Афганистана почти за 20 лет до этого [Там же, л. 3-4].

Тем не менее, руководство МИД признало выводы ташкентской администрации неубедительными. По мнению товарища (заместителя) министра иностранных дел А. А. Нератова, расположение всех пограничных столбов полностью соответствовало картам памирского разграничения. Со своей стороны, он рекомендовал Ф. В. Мартсону «доказать афганцам неосновательность их домогательств», опираясь на сведения об общем направлении границы в районе Кизил-Рабата, а не на характеристику местоположения столба № 10. «Наша памирская граница образует почти прямую линию, идущую в В-Ю-В направлении..., если бы точка зрения (*афганской стороны* – К. С.) была правильной, границу от озера Бахмардын-Куль следовало бы описать как ломаную линию» [Там же, л. 8], – указал он. Иными словами, царские власти решили отстаивать лишь те положения Памирского протокола 1895 г., которые отвечали их интересам. Все же свидетельства правоты афганского правительства решительно отвергались.

Весной 1914 г. в Петербурге начался новый раунд российско-британских переговоров. Лондонское правительство добивалось признания своих исключительных прав в Тибете, зафиксированных Симлской конвенцией (февраль 1914 г.): права на концессии и дипломатическое представительство, а также на посредническую роль в тибетско-китайских отношениях. Однако эти требования шли вразрез с условиями англо-русского соглашения 1907 г. по Тибету, и потому С. Д. Сазонов сразу заявил, что, если британская сторона желает его пересмотра, то он, в свою очередь, потребует пересмотра афганской конвенции. Это не смутило Дж. Бьюкенена. Он попросил ознакомить его с конкретными соображениями царского кабинета по данному вопросу. Министр иностранных дел в ответ перечислил английскому представителю условия, которые

удовлетворили бы российскую сторону. Британскому кабинету предлагалось: добиться принятия эмиром соглашения 1907 г.; не допускать появления никаких предприятий или концессий в Афганистане севернее линии Герируд – Гиндукуш; не требовать уступок для английских компаний или частных лиц в этой зоне; не начинать железнодорожного строительства в северном Афганистане без согласия России [Там же, д. 235, л. 34].

26 мая английский посол сообщил, что Лондон готов принять эти условия, с одним лишь уточнением: из русской зоны влияния должна быть исключена вся долина реки Герируд [Там же, л. 51]. Однако С. Д. Сазонов не уступил, и тогда Дж. Бьюкенен, считая его требования завышенными, заявил о желании своего правительства обсудить не только будущее Афганистана, но и итоги российско-английского сотрудничества в Персии. По его словам, возникла необходимость «вернуть интересы России и Великобритании к тому положению, которое они... занимали в 1907 г.» [5, с. 242].

Таким образом, речь шла вовсе не о пересмотре положений персидской конвенции, как полагают некоторые исследователи [7, с. 6]. Обозначилась лишь перспектива затягивания переговоров, поскольку их участники имели ряд претензий друг к другу. В частности, Форин офис готовился осудить присутствие царских войск на севере Персии, а российский МИД вправе был требовать дополнительных уступок за изменение британских позиций в Тибете. Безусловно, все это не лучшим образом могло бы повлиять на отношения великих держав в рамках Антанты, но говорить об угрозе расшатывания основ соглашения 1907 г., как это делал, к примеру, С. Б. Панин, нет достаточных оснований [6, с. 52]. Тем более что возникшие сложности в русско-британских отношениях были преодолены неожиданно быстро и без видимых неудобств для обеих сторон. Китай отказался ратифицировать Симлское соглашение, что лишило Россию права добиваться компенсации за изменение тибетской конвенции.

И все же «переговоры 1914 г. свидетельствовали о появлении новых моментов в политике Англии и России в Афганистане» [Там же, с. 54]. Британские дипломаты признали возможность его раздела, хотя еще не были готовы к принятию практических мер в этом направлении. Что же касается России, то, обозначив проблему разграничения сфер влияния в Афганистане и отлично понимая, что быстро ее не удастся решить, царское правительство хотело закрепить за собой на будущее северную часть территории страны.

В целом, говоря об итогах российско-афганских отношений к 1914 г., следует признать, что они оказались весьма скромными. Ни одна из серьезных проблем не была урегулирована. Хабибулла-хан, как и прежде, стремился свести до минимума контакты с Россией и ограничить общение своих подданных с русскими жителями Туркестана. Царские же власти действовали в соответствии с условиями непризнанного эмиром соглашения 1907 г. и долгое время не решались выйти за его рамки. Предлагавшиеся рядом сотрудников министерства иностранных дел варианты силового вмешательства в афганские дела с целью разрешения имевшихся противоречий были отклонены. Лишь к началу Первой мировой войны острота нерешенных вопросов заставила МИД России приступить к разработке новых внешнеполитических подходов, где неприкосновенность владений афганского эмира уже не ставилась во главу угла.

Список литературы

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 147. Оп. 485.
2. АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486.
3. АВПРИ. Ф. 194. Оп. 528/2.
4. **Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств. 1878-1917.** М. – Л.: Госполитиздат, 1940. Серия II. 1900-1913. Т. 20. Ч. 2. 520 с.
5. **Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств. 1878-1917.** М. – Л.: Соцэкгиз, 1933. Серия III. 1914-1917. Т. 3. 560 с.
6. **Панин С. Б.** Афганистан в политике России накануне Первой мировой войны // СССР и страны Востока. Иркутск: ИГПИ, 1990. С. 40-54.
7. **Панин С. Б.** Россия и Афганистан. 1905-1918. Иркутск: ИГПИ, 1995. 156 с.
8. **Штаб Туркестанского военного округа. Сводка сведений о сопредельных странах, добытых разведкой с 1 мая по 1 июня 1911 г.** Ташкент, 1911. № 5.
9. **Штаб Туркестанского военного округа. Сводка сведений о сопредельных странах, добытых разведкой, январь 1911 г.** Ташкент, 1911. № 1.
10. **British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print.** Washington, 1983. Series A. Russia. Vol. 6. 1910-1914.

AFGHANISTAN IN RUSSIA FOREIGN POLICY (1907-1914)

Simonov Konstantin Viktorovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Voronezh State Institute of Physical Culture
ksimonov76@mail.ru

The author, basing on the little-known documents of the Russian Empire Foreign Policy Archive, studies one of the most important stages in the history of the Russian-Afghan relations at the beginning of the last century. The tsarist authorities sought the political inviolability of Afghanistan, the better access of the Russian goods into its borders, and the normalization of the relations at the frontier. As St. Petersburg authorities didn't get their wish, they began to make plans to divide Afghanistan into the spheres of influence between Russia and Great Britain, and even considered the possibility of local military operation within Afghan territory.

Key words and phrases: Russia; Afghanistan; border contacts; territorial disputes; foreign policy; diplomacy.